

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ CULTURAL LINGUISTICS: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-3-385-398

EDN: WCYXFO

Научная статья

Библейские концепты в русском языке: взаимосвязь сакральных, языковых и культурных смыслов

Т.Е. Владимирова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, *Москва, Российская
Федерация*

✉ yusvlad@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрены основополагающие библейские эсхатологические слова-концепты, вошедшие в русский язык и определяющие русскую духовную культуру. Актуальность исследования заключается в том, что без осмысления глубинных истоков русского языка и культуры невозможно составить целостное представление о духовном потенциале русского человека. Цель исследования — проанализировать в диахроническом плане семантику таких библейских эсхатологических концептов, как «Суд», «Суд Божий», «Страшный Суд», «Судьба» и «Совесть». Материалом исследования послужили тексты Библии (синодальный перевод 1876 г.), а также тексты экзистенциального содержания начального и современного периодов исторического развития русского православия (памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» и роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба»). Использованы общенаучные (анализ и синтез, систематизация и классификация), лингвистические (этимологический, диахронический, семантический, контекстный анализ) методы, а также методы интегративных научных дисциплин (теолингвистический, лингвокогнитивный, лингвокультурологический анализ). Исследование показало, что в русском языковом сознании издревле актуализируется исконная связь судьбы и совести с судом Всевышнего. Анализ текста «Слова о полку Игореве» и романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» выявил, что в концептах «Суд», «Суд Божий», «Судьба» и «Совесть» сохраняется экзистенциальное содержание при всех социокультурных потрясениях и изменениях в духовной жизни русского человека. Именно библейские концепты надежно направляют жизнь русского языка, русской культуры и унаследованных ими христианских ценностей. Сделан вывод о плодотворности принятия теoантропокосмической парадигмы, которая способствует целостному пониманию и исследованию языка как многомерной духовной реальности.

© Владимирова Т.Е., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Библия, библеизм, библейский концепт, суд, суд Божий, судьба, совесть, русский язык, русская культура

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 01.02.2025; принята к печати 12.05.2025.

Для цитирования: *Владимирова Т.Е.* Библейские концепты в русском языке: взаимосвязь сакральных, языковых и культурных смыслов // *Русистика*. 2025. Т. 23. № 3. С. 385–398. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-3-385-398>

Введение

Без осмысления глубинных истоков русского языка и культуры невозможно составить целостного представления ни об их духовном потенциале, ни о русском человеке. Об опасности обесценивания и забвения прошлого предостерегал еще в 1960 г. К. Леви-Стросс, утверждая, что невнимание к истории приводит к тому, что исследователи «довольствуются разжиженной социологией, где феномены оторваны от своей основы, пренебрегают их конкретной культурой и уже не знают ни откуда, ни кто они» (Леви-Стросс, 2000: 367). Глобальные изменения в эволюции языков и культур обусловлены переходом на новую — христианскую — ступень, неразрывно связанную с Библией.

Принятие в современной науке теoантропокосмической парадигмы знаний вместо антропоцентрической предполагает исключение из центра мироздания человека и возвращение к научному описанию такого мира, в центре которого находится Бог, о чем пишет В.И. Постовалова (Постовалова, 2022). В рамках лингвистики теoантропокосмической подход направлен на раскрытие и интерпретацию существования, эволюции и функционирования языка как духовной реальности (Маслова, Данич, 2021; Маслова, 2023). Есть все основания предполагать, что данная парадигма преодолет рамки лингвистики и гуманитарные науки также будут использовать «целостные знания о Боге, человеке и мире» (Иванов, Маслова, Мокиенко, 2022: 22). В этой связи актуально использование при изучении библейского наследия в русском языке двух концепций. Во-первых, концепции языкового сознания, которое интерпретируется как единство трех взаимосвязанных компонентов: «бытийного, рефлексивного и духовного» (Зинченко, 2010: 113). Во-вторых, концепции культурно-исторического сознания, которое рассматривается как эволюционирующее и дифференцируется (вслед за Г.Г. Шпетом) на шесть типов: «1) называющее (язык); 2) религиозно-мифологическое; 3) художественно-героическое; 4) научно-техническое; 5) культурно-историческое; 6) философско-культурное»¹.

Эсхатологические концепты «Суд», «Суд Божий», «Страшный Суд», «Судьба» и «Совесть» до сих пор не были объектом изучения ни в плане отражения в их содержании библейского наследия, ни с точки зрения их теoлингвистической интерпретации. Между тем лексемы *суд*, *суд Божий*, *страшный*

¹ Здесь и далее используются архивные материалы Г.Г. Шпета, опубликованные В.П. Зинченко (Зинченко, 2010: 79–80).

суд, судьба и совесть теснейшим образом связаны между собой и этимологически, и в смысловом отношении, и, что самое главное, по своей фоновой семантике, в рамках которой все они восходят к тексту Библии и образуют экзистенциально окрашенное семантико-смысловое поле в русском языке.

Цель исследования — выявить и описать содержание библейских эсхатологических концептов «Суд», «Суд Божий», «Страшный Суд», «Судьба» и «Совесть» и семантику их лексических вербализаторов в диахроническом аспекте и функциональном плане.

Материалы и методы

Фактическим материалом для исследования послужили тексты Библии (на церковнославянском языке, на русском языке — синодальный перевод 1876 г.)², а также тексты экзистенциального содержания начального и современного периодов исторического развития русского православия (памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве»³ и роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба»⁴). Использовались лексикографические источники: этимологические словари русского языка⁵, материалы для словаря древнерусского языка⁶, толковый словарь русского языка В.И. Даля⁷, словарь индоевропейский социальных терминов⁸, словарь церковно-славянского языка⁹.

В исследовании использованы общенаучные методы (анализ и синтез, систематизация и классификация), лингвистические методы (этимологический, диахронический, семантический, контекстный анализ), методы интегративных научных дисциплин (теолингвистический, лингвокогнитивный, лингвокультурологический анализ).

Результаты

Анализ библейских эсхатологических концептов «Суд», «Суд Божий», «Страшный Суд», «Судьба» и «Совесть», показал, что они, будучи весьма емкими в смысловом отношении, отражают сакральные, этические и собственно культурные представления носителей русского языка, уходящие корнями

² Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/biblia/> (дата обращения: 05.01.2025).

³ Слово о полку Игореве : сб. / вступ. ст. Д.С. Лихачёва и Л.А. Дмитриева ; сост. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачёва, О.В. Творогова ; реконстр. др.-рус. текста Н.А. Мещерского, А.А. Бурыкина ; прозаич. перевод Н.А. Мещерского ; комм. Н.А. Мещерского и А.А. Бурыкина ; подгот. текста и примеч. Л.А. Дмитриева. Л. : Советский писатель, 1985. XXXVIII, 498 с.

⁴ Гроссман В. Жизнь и судьба. М. : Книжная палата, 1989. 672 с.

⁵ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах. М. : Прогресс, 1987. Т. 3. 831 с.; Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 томах. М. : Русский язык, 1993. Т. 2. 560 с.

⁶ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М. : Госиздат иностранных и национальных словарей, 1958. 1684 с.

⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 частях. М. : Типография Т. Рис., 1866.

⁸ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М. : Прогресс, 1970. 456 с.

⁹ Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М. : Изд. отдел Московского Патриархата, 1993. 1120 с.

в Священное Писание. В русском языковом сознании актуализируется исконная связь судьбы и совести с судом Всевышнего, хотя в других славянских языках эта связь отсутствует или не сопровождается духовными переживаниями.

В «Слове о полку Игореве» одной из сквозных идей, отраженной в его содержании, является идея судьбы, однако концепт «Судьба» в письменном памятнике древнерусской литературы лексически не репрезентирован. Этот факт объясняется тем, что понятие 'судьба' концептуализировалось в связи со своим библейским содержанием позднее, чем понятие 'суд', широко отраженное и вербализованное в «Слове» и вошедшее в процессе своей концептуализации емкий смысловой, эмоционально насыщенный и экзистенциально напряженный потенциал Божьего суда и Страшного суда, присущий библейскому тексту. А в конце «Слова» сугубо христианская здравица еще более усиливает впечатление слушателей / читателей о судьбе его героев, о суде человеческом и Суде Божиим над ними.

В романе Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» библейские концепты «Суд», «Суд Божий», «Страшный Суд», «Судьба» и «Совесть» выполняют функцию несущей конструкции сюжета и образуют обширное семантико-смысловое поле, в котором реконструируется евангельская и даже ветхозаветная история. Порождаемый в художественном пространстве романа образ мира вбирает в себя едва ли не все переживания, выпадающие на долю человека.

Обсуждение

Понимая эсхатологию (от греч. ἔσχατος 'последний, конечный') как «учение о конечных судьбах человеческой личности и всего сущего в „вечности“» (Аверинцев, 2006: 512), раскроем содержание, духовный потенциал и семантику лексических вербализаторов таких библейских эсхатологических концептов, как «Суд», «Суд Божий», «Страшный Суд», «Судьба» и «Совесть» в русском языке и сознании русского человека в исторической перспективе и современном понимании.

Библейские эсхатологические концепты в истории русского языка

Сакральное содержание было присуще концепту «Суд» еще задолго до принятия христианства на Руси, что объясняется этимологией древнерусской (с XI в.) лексемы *суд* (*sōdъ), которая, как известно, по своему происхождению восходит к индоевропейскому корню *dhē- 'устанавливать в бытии (о богах)' в сочетании с префиксом *som- 'в продолжение'¹⁰. Таким образом, в лексеме *суд* получили выражение сакральное восприятие природно-космического мира, мифологическое сознание и экзистенциальное ожидание суда высших сил.

¹⁰ См.: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М. : Прогресс, 1970. С. 299; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах. М. : Прогресс, 1987. Т. 3. С. 794–796.; Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 томах. М. : Русский язык, 1993. Т. 2. С. 216.

Сделанный вывод может быть конкретизирован при обращении к концепции Г.Г. Шпета, который предложил различать следующие исторически возникавшие и сосуществующие типы сознания (или «моменты»): «называющее сознание (язык) как первый момент социализации природы; религиозно-мифологическое сознание как второй момент, вводящий в социо-культурный обиход; художественно-героическое сознание как третий момент, приобщающий природную вещь социокультурному бытию; научно-техническое (познающее) сознание как четвертый момент, направленный на материальное преобразование и социализацию; культурно-историческое сознание как пятый момент, преобразующий самого человека; философско-культурное сознание как шестой момент, преобразующий социальный лик человека» (Зинченко, 2010: 79–80).

Согласно представленной классификации, общеславянский концепт «суд» сформировался на основе называющего (процесс «оязыковления») и религиозно-мифологического сознания, когда архаичная языковая картина мира представляла собой набор противопоставлений, отражавших дуальное восприятие первобытной общности.

Такое понимание было характерно и для языческой Руси, которая унаследовала общеславянские представления, среди которых концепт «Суд Божий» имел особое значение. Так, в соответствии с правилами, чтобы найти и наказать виновного, подсудимый должен был держать два пальца на раскаленном железе, пока произносил клятву в своей невиновности, или лишиться жизни. Позднее дознания становились более сбалансированными, и от истца требовалось в доказательство справедливости своего обвинения перейти глубокую реку, а от ответчика — следовать в трех шагах от него. Если первый начинал тонуть, то второй объявлялся оправданным, но, если тонуть начинал ответчик, то он терял и жизнь, и свое имущество¹¹.

Ветхозаветные сентенции с присущей им жесткой логикой Закона в русском (православном) мировосприятии во многом утратили свою категоричность на фоне вошедшей в пословицу новозаветной заповеди *Возлюби ближнего*. «Человеку, — писал Ю.А. Шрейдер, — отнюдь не вменяется в обязанность подавлять в себе стремление к счастью, целиком подчиняясь суровому долгу. Ему следует любить себя настолько, чтобы стремиться обрести для себя высшее благо, и это стремление должно стать мерой любви к ближнему» (Шрейдер, 1998: 146). Огромна значимость Церкви, которая участвовала в создании общерусских законов, способствовала смягчению системы наказаний, развивала стремление к милосердию. Постепенно в сознании православного человека утвердилось понимание соборности, которая, согласно А.С. Хомякову, объединяет «свободу и единство многих лиц на основе совместной любви к одним и тем же абсолютным ценностям» (цит. по: Лосский, 1994: 47). В итоге любовь к ближнему стала восприниматься как критерий собственного бытия и неперемненное условие спасения души.

¹¹ Подробнее см.: *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. М. : Изд. отдел Московского Патриархата, 1993. С. 687–688.

С принятием Православия осознание собственной жизни в соприсутствии с Богом привело к появлению новых понятий, образов и сопутствующих им переживаний. В подтверждение сошлемся на эволюцию праславянского концепта «Совість» (от **sъvěstь* в значении ‘(по)знание, получаемое вместе с кем-либо’), который приобрел в церковнославянском языке содержание ‘внутренний закон, данный человеку Богом’¹². При этом душевное благополучие ассоциировалось не только с верой, но и с *совестью*, отождествляемой с *честью* (‘чистая совесть’ — В.И. Даль)¹³ и со *стыдом* (‘внутренняя исповедь перед совестью’ — В.И. Даль)¹⁴. Обращает на себя внимание и тот факт, что в православной картине мира концепт «Совість» приобрел содержание ‘внутренний закон, данный человеку Богом’¹⁵ и таким образом полностью утратил смысловую связь со своим общеславянским лексическим вербализатором **sъvěstь* в значении ‘(по)знание, получаемое вместе с кем-либо’ (который вышел из употребления).

Когда же стало известно из Евангелия, что «Отец не судит никого, но весь суд отдал Сыну» <...> и дал Ему власть производить суд, потому что Он есть Сын человеческий»¹⁶, в русскую православную картину мира вошел концепт «Страшный суд» («Судный день»). Утвердилось также представление о том, что «книги бо совестные» — это книги «сведующие», «знающие», можно сказать, «возвещающие». Они «разгибаются и дела сокроуенные открываются» («Тропарь на 1-й неделе Великого поста»). Возникло и представление о том, как проходит Божий суд. «Здесь мы имеем в виду средневековую картину Страшного суда, когда оправданные встают по правую руку от Всевышнего, а осужденные — по левую» (Владимирова, 2014: 76). Отражением Страшного суда в древнерусской социально-правовой практике можно считать появление так называемых «совестных судов» — таких, «куда передавались дела, требовавшие более мягкого рассмотрения, и заключения в крестьянской среде различного рода сделок „на совесть“, т. е. на словах, без письменных документов» (Владимирова, 2014: 76).

Совість, таким образом, выступает «свидетелем разумности человека, его способности оценивать и осознавать свои поступки с позиций нравственности» (Вендина, 2002: 259). Примечательно также, что постепенно концепт «Совість» в ряде славянских языков утратил свою связь с концептом «Суд».

¹² См. в Библии: Егда бо языцы, не имуща закона, естественномъ законная творят; сии, закона не имуща, сами себе суть закон; Иже являют дело законное написано в сердцах своих, спослушующи им **совести**, и между собою помыслом осуждающим или отвечающим (К римлянам, 2: 14–15); Похваление бо наше сие есть, свидетельство **совести** нашея, яко в простоте и чистоте Божией, а не в мудрости плоти, но благодатию Божиею живом в мире, множае же у вас (К коринфяном 2-е, 1: 12). URL: <https://azbyka.ru/biblio/> (дата обращения: 05.01.2025).

¹³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 частях. М. : Типография Т. Рис. 1866. Ч. 4. С. 547.

¹⁴ Там же. С. 317.

¹⁵ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 томах. М. : Русский язык, 1993. Т. 2. С. 184.

¹⁶ См.: Евангелие от Иоанна (5: 22–27). URL: <https://azbyka.ru/biblio/> (дата обращения: 05.01.2025).

Показательно в этой связи, что в польской и чешской языковых картинах мира концепт «Совесть» не ассоциируется с Богом, «совесть предстает как чувство, которым можно управлять» (Владимирова, 2020: 30). Это отразилось в лексической семантике польск. *sumienie* ‘свидетель мыслей и поступков, который вершит суд’ и чеш. *svědomín* ‘информация о нравственности, усвоенная сознанием’ (Стефаньский, 2007: 131).

В свою очередь, концепт «Судьба» интерпретировался в древнеславянской картине мира как «определение суда, суд», а свой теперешний библейский смысл «участь, предназначенная человеку от Бога» приобрел значительно позже¹⁷. В толковом словаре В.И. Даля значение лексемы *судьба* включает восходящие к библейскому первоисточнику семы, как ‘суд’, ‘судилище’, ‘судбище’ и ‘расправа’, а также ‘участь’, ‘жребий’, ‘доля’, ‘рок’, ‘часть’, ‘счастье’, ‘предопределение’¹⁸. В этой связи необходимо также отметить, что в русском мировосприятии, как писал Д.А. Гранин, судьба зависит от «требований совести, ее суда, ее приговора», поэтому «только согласие с совестью дает удовлетворение в итоге этой жизни»¹⁹.

Тем не менее, лексема *суд*, вобравшая в себя экзистенциальные смыслы на протяжении ее употребления многими поколениями носителей русского языка, постепенно приобрела столь сильный энергичный потенциал, что оставалась востребованной и сохраняла свою значимость даже в ситуациях, органичных для употребления лексемы *судьба*.

Библейские эсхатологические концепты в «Слове о полку Игореве»

В тексте «Слова о полку Игореве» отсутствуют слова *судьба* и *совесть*, хотя тема судебных князей, выступивших против половцев, а также тема совести (личной ответственности за все происходящее) являются в нем главными. При этом концепты «Суд» и «Суд Божий» широко используются и вербализуются в «Слове» следующим образом:

«А Бориса Вячеславича слава **на суд** привела и на Канине зеленый плащ ему постлала за обиду Олега»²⁰;

«О Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь ты на своем златокованом престоле. Ты запер горы угорские своими железными полками, преградив венгерскому королю путь, затворив проход к Дунаю, перебрасывая грузы через облака, **суды** творя до Дуная»²¹;

«Всеслав-князь людям **суд** творил, князьям города дарил»²²;

¹⁷ Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М. : Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. С. 688.

¹⁸ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 частях. М. : Типография Т. Рис. 1866. Ч. 4. С. 323.

¹⁹ Гранин Д.А. Размышления о совести // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире. СПб. : СПбГУП, 2007. С. 38, 41.

²⁰ Слово о полку Игореве : сборник. Л. : Советский писатель, 1985. С. 39.

²¹ Там же. С. 42.

²² Там же. С. 43.

«Ему вещий Боян и давнюю припевку-поговорку изрек, мудрый: “Ни хитрому, ни разумному, ни колдуну искусному **суда божьего** не миновать!”»²³.

Во втором и третьем примерах не требуется пояснений употребления лексемы *суд*, поскольку из их содержания следует, что в них вербализуется концепт «Суд». Однако содержание концепта «Суд Божий» нуждается в специальном объяснении. Здесь, по мнению А.А. Бурыкина, имеется в виду «Борис Вячеславович — сын Вячеслава Ярославича, внук Ярослава Мудрого», который «выступив в союзе с Олегом Святославичем погиб в битве в возрасте 24 лет» (Бурыкин, 2017: 331–332). Поэтому в данном контексте *на суд* означает ‘на смерть’. Данную интерпретацию *на суд* также разделял А.Н. Афанасьев, который писал: «Бориса же Вячеславличя слава на судъ (на смерть) приведе» (Афанасьев, 2006: 511). И.И. Срезневский в своих «Материалах для словаря древнерусского языка» отмечал, что слово *суд* имеет значения ‘кончина’, ‘смерть’²⁴.

В последнем из приведенных выше фрагментов текста «Слова о полку Игореве» *суд Божий* может истолковываться двояко: «как ‘час кончины’ и как ‘судьба’» (Владимилова, 2014: 74). Следует отметить, что использованная здесь «припевка-поговорка» Бояна — это вариант древней пословицы *Никому суда Божьего не миновать*, которая зафиксирована в русском языке в целом ряде своих вариантов: *Ни хитру, ни горазду, ни убогу, ни богату суда Божьего не миновать; От Божьего суда не уйдешь; Суда Божьего околицей не объедешь*²⁵.

По-видимому, в древнерусской картине мира эсхатологический концепт «Суд» был наделен всей возможной содержательной полнотой, включая глубинные экзистенциальные переживания. Именно этим, на наш взгляд, можно объяснить отсутствие в тексте «Слова о полку Игореве» лексемы *судьба* (и вербализованного ею концепта «Судьба»). Автор «Слова» использовал «более древнее *суд* как заключающее в себе существенно больший смысловой потенциал» (Владимилова, 2014: 74). В свою очередь, лексема *суд* имела в древнерусском языке множество смыслов: «рассуждение; суд, разбор дела, дознание виновности; судебное дело, тяжба; приговор; постановление, определение; закон, устав; право суда; дела, подлежащие определенному суду; подчинение суду; осуждение, кара, наказание; кончина, смерть (иногда с присоединением *от Бога*)»²⁶.

Несмотря на свое ярко выраженное экзистенциальное содержание «Слово о полку Игореве» заканчивается здравицей: «Пусть пребудут здоровы князья и дружина, сражающаяся за христиан против воинства неверных! Князьям слава и дружине! Аминь»²⁷. Это существенно усиливает впечатление слушателя / читателя от повествования о судьбах героев «Слова...», о суде челове-

²³ Слово о полку Игореве : сборник. Л. : Советский писатель, 1985. С. 44.

²⁴ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М. : Госиздат иностранных и национальных словарей, 1958. С. 607.

²⁵ Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 883.

²⁶ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М. : Госиздат иностранных и национальных словарей, 1958. С. 603–607.

²⁷ Слово о полку Игореве : сб. Л. : Советский писатель, 1985. С. 46.

ческом и суде Божиим над ними, о тех смыслах, которые реализованы в тексте древнерусского памятника в проекции на библейские концепты «Суд» и «Суд Божий».

Обращение к концептам «Суд» и «Суд Божий» как базовым в тексте «Слова о полку Игореве» позволило раскрыть их библейские истоки и смыслы. А сугубо христианская здравица еще более усиливает полифонию этого величайшего памятника древнерусской литературы, созданного в результате уникального для средневековой Руси взаимодействия называемого, религиозно-мифологического, художественно-героического, культурно-исторического и философско-культурного типов сознания.

Библейские эсхатологические концепты в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба»

Предпринятое рассмотрение в исторической перспективе таких эсхатологических библейских концептов, как «Суд», «Суд Божий», «Страшный Суд», «Судьба» и «Совесть» (а также их лексических вербализаторов) позволяет перейти к анализу романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», где данные концепты являются ключевыми и образуют обширное, экзистенциально окрашенное семантико-смысловое поле (около 190 репрезентаций).

Приступая к анализу, обратим внимание на следующие факты. В феврале 1961 г. роман «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана (1905–1964) был запрещен с конфискацией его текста у автора. М.М. Бахтин (1895–1975) в «Заметках» 1961 г. писал, что любое высказывание предполагает не только адресата, но и «высшего наадресата», воплощающего в себе разные конкретные идеологические выражения: «Бог, абсолютная истина, суд беспристрастной человеческой совести, народ, суд истории, наука и т.п.» (Бахтин, 1997: 337). Поэтому перед автором всегда стоит сложная задача — созная действующие идеологемы, следовать своим идеалам и внутренним установкам должного бытия.

Прежде всего, отметим, что эсхатологически нагруженные слова-концепты «Суд», «Судьба» и «Совесть», изначально отмеченные экзистенциальным содержанием, существенно расширяют в романе В. Гроссмана свой образно-смысловой потенциал. В подтверждение можно привести фрагменты текста, в которых обращает на себя внимание «приращение смысла» и которые непосредственно ассоциируются со следующими историко-культурными периодами.

Мифологический, напр.: «...кому-то **судьба** присудит верность, встречу; Видимо, **судьба** судила, чтобы весь этот день был тяжелым; А она сидит беспомощная, ждет своей **судьбы**; Все воля Сталинова, — сказал отец, и в словах его не было гнева, обиды — так говорят простые люди о могучей, не знающей колебаний **судьбе**»²⁸.

Христианский, напр.: «Не **судите**, да не **судимы** будете. Ибо... каким **судом** **судите**, таким будете **судимы**; **Осуди** грех и прости грешника; При-

²⁸ Гроссман В. Жизнь и судьба. М. : Книжная палата, 1989. 672 с.

шла / Приходит пора **Страшного Суда**; **Страшный Суд** мы себе неправильно представляли; Есть **суд небесный**; отвечать / оправдывать свою душу перед **небесным судом**; безгрешный и милостивый **небесный судья**; **Судный день** подходил к концу; Он не верил в Бога, но почему-то в эти минуты казалось, — **Бог** смотрит на него. Никогда в жизни не испытывал он такого счастливого и одновременно смиренного чувства. Он не думал **о Боге**, не думал о матери, но они были рядом с ним. Как мне хорошо, я счастлив, — подумал он»²⁹.

Советский, напр.: «Его душевная сила, его вера были в праве **суда**; Он предавал **суду** итээровцев; Он **засудил** сорок социально неясных рабочих; Совершая **суд**, он утверждал свою внутреннюю силу; Теряя право **судить**, он терял себя; Он вновь обрел право **суда**; меч **правосудия** покарал врагов революции; Привлекались ли вы или ваши ближайшие родственники к **суду**; по **суду** не подвергались ли наказаниям в **судебном** и административном порядке; Если **судимость** снята, то когда?; Перед **судом** истории все ничтожно; Какой же это **суд**, — сказал он, ни к кому не обращаясь, — это **самосуд** истории!; они опровергают установленные следствием и **судом** преступления врачей; Они признались на **суде**; готов подтвердить перед командующим фронтом и перед **судом** военного трибунала; счастье так не похоже на то, что он пережил в день **судилища**»³⁰.

Раскрывая внутренний мир человека, вступившего в диалог с выпавшей ему судьбой, В. Гроссман вводит в роман тему рока, который, в отличие от судьбы, не может быть счастливым, поскольку представляет собой неотвратимую, разрушительную силу:

несет смерть: «В эти тихие лунные минуты, когда подразделения СС и СД отряды украинских полицейских, подсобные части, автомобильная колонна резерва Управления имперской безопасности подошли к воротам спящего гетто, женщина измерила **рок** двадцатого века»³¹;

угрожает нормальному существованию: «Он не знал, что год от года будут сгущаться вокруг этого пятого пункта мрачные страсти, что страх, злоба, отчаяние, безысходность, кровь будут перебираться, перекочевывать в него из соседнего шестого пункта «социальное происхождение», что через несколько лет многие люди станут заполнять пятый пункт анкеты с тем чувством **рока**, с которым в прошлые десятилетия отвечали на шестой вопрос дети казачьих офицеров, дворян и фабрикантов, сыновья священников»³².

Таким образом, роман существенно расширил образно-смысловое поле унаследованных с языком эсхатологических концептов «Суд», «Судьба» и «Совесть», а на этой основе дал свою оценку времени и людям, над которыми не властна судьба. В. Гроссман писал:

«В страшное время человек уж не кузнец своего счастья и мировой судьбе дано право миловать и казнить, возносить к славе и погружать в нужду,

²⁹ Гроссман В. Жизнь и судьба. М. : Книжная палата, 1989. 672 с.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

и обращать в лагерную пыль, но не дано мировой судьбе, и року истории, и року государственного гнева, и славе, и бесславию битв изменить тех, кто называется людьми, и ждет ли их слава за труд или одиночество, отчаяние и нужда, лагерь и казнь, они проживут людьми и умрут людьми, а те, что погибли, сумели умереть людьми, — и в том их вечная горькая людская победа над всем величественным и нечеловеческим, что было и будет в мире, что приходит и уходит»³³ (Владимирова, 2020: 30).

Можно утверждать, что концепты «Судьба», «Суд», «Божий Суд», «Страшный Суд» и «Совесть» в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба», сохраняя свою связь с индоевропейским пониманием «предустановленного в бытии (о богах)», воскрешают евангельскую, а возможно, и всю ветхозаветную историю. Рождающийся при этом концептуальный образ мира сравним с многоголосием церковного песнопения, которое вбирает в себя едва ли не все переживания, выпадающие на долю человека. При таком подходе духовный план русского языка и православной культуры не только уходит корнями в Священное Писание, но и остается мощным фактором, обеспечивающим преодоление русским человеком всех возможных преград на своем пути.

Заключение

Результаты исследования концептов «Суд», «Суд Божий», «Страшный Суд», «Судьба» и «Совесть» свидетельствует о сохранности в них экзистенциально-энергетического содержания на всех этапах истории русского православия и при всех социокультурных потрясениях и изменениях в общественной жизни. Действительно, библейские корни надежно направляют жизнь русского языка, русской культуры и унаследованных ими христианских ценностей.

При этом только в контексте целого произведения концепты «Суд» и «Суд Божий» полностью раскрывают свой эсхатологический потенциал и внутренний смысл, которые имеют глубокие библейские корни.

Дальнейшее изучение содержания и вербализации библейских концептов будет способствовать целостному пониманию и описанию русского языка как многомерной духовной реальности.

Список литературы

- Аверинцев С.С. Собрание сочинений. София — Логос. Словарь. Киев : Дух і Літера. 2006. 912 с.
- Афанасьев А.Н. Мифология Древней Руси. М. : Эксмо. 2006. 608 с.
- Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 томах. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. : Русское слово, 1997. 731 с.
- Бурыкин А.А. «Слово о полку Игореве»: текст, язык, автор. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2017. 416 с. EDN: VGAKDX
- Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М. : Индрик, 2002. 334 с. EDN: UCFKOH

³³ Гроссман В. Жизнь и судьба. М. : Книжная палата, 1989. 672 с.

- Владимирова Т.Е. Концепт «Судьба»: этимологическая составляющая // Вестник Центра международного образования МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2014. № 1. С. 72–77. EDN: SPSYQD
- Владимирова Т.Е. Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты // Материалы XX Международной научной конференции, посвящённой 75-летию победы в Великой Отечественной войне / отв. редактор А.В. Пузырёв. М. : Изд-во МПГУ, 2020. С. 29–31.
- Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М. : Языки славянских культур, 2010. 592 с. EDN: QYBFWV
- Иванов Е.Е., Маслова В.А., Мокиенко В.М. Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси. М. : РУДН, 2022. 406 с. EDN: NGYGGO
- Леви-Стросс К. Путь масок. М. : Республика, 2000. 399 с.
- Лосский Н.О. История русской философии. М. : Прогресс, 1994. 460 с.
- Маслова В.А. Сакральное, духовное и энергийное в русском слове // Метафизика. 2023. № 3. С. 80–89. <https://doi.org/10.22363/2224-7580-2023-3-80-88> EDN: KBLZKE
- Маслова В.А., Данич О.В. Духовная энергия русского слова как проблема гуманитарной мысли // Русистика. 2021. Т. 19. № 2. С. 125–137. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-125-137> EDN: NEPXYY
- Постовалова В.И. Теолингвистика. Истоки. Основания. Концепты. М. : Изд-во Братства святителя Алексия, 2022. 1048 с. EDN: KVJYMP
- Стефаньский Е. Концепт «Совість» в русской, польской и чешской литературах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 11 (72). С. 124–131.
- Шрейдер Ю.А. Этика. М. : Текст, 1998. 271 с.

Сведения об авторе:

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, доцент, старший педагог кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. *Сфера научных интересов*: межкультурная коммуникация, русистика, теолингвистика, методика преподавания русского языка как иностранного. ORCID: 0000-0003-2458-3653. SPIN-код: 2859-4934. ScopusID: 57223104617. E-mail: yusvlad@rambler.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-3-385-398

EDN: WCYXFO

Research article

Biblical concepts in the Russian language: the interaction of sacred, language and cultural meanings

Tatyana E. Vladimirova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ yusvlad@rambler.ru

Abstract. The study examines the fundamental biblical eschatological words-concepts in the Russian language which define Russian spiritual culture. The aim of the study is to analyze the semantics of the biblical eschatological concepts of “court”, “God’s judgment”,

“fate” and “conscience” in their diachronic sense and in textual use (based on “The Tale of Igor’s Campaign” and V. Grossman’s novel “Life and Fate”). The research methods are general scientific, linguistic, and interdisciplinary ones. While analyzing, we proceeded, on the one hand, from understanding the relationship between language and religion as an integral process, and on the other hand, their interpenetration into each other. The study showed that the Russian linguistic consciousness actualized the original connection of fate and conscience with the judgment of the Almighty since ancient times. The analysis of “The Tale of Igor’s Campaign” and V. Grossman’s novel “Life and Fate” showed that the concepts of “court”, “God’s judgment”, “fate” and “conscience” retain their original existential orientation despite socio-cultural upheavals and changes in the social life of the Russian people. It is the biblical concepts that reliably rule the life of the Russian language, Russian culture, and the Christian values inherited by them. Based on the results of the study, a conclusion was made about the fruitfulness of adopting the theanthropocosmic paradigm, which promotes a holistic understanding and study of language as a multidimensional spiritual reality.

Keywords: Bible, biblical studies, biblical concept, court, God’s judgment, fate, conscience, the Russian language, Russian culture

Conflict of interests. The author declares no conflict of interests.

Article history: received 01.02.2025; accepted 12.05.2025.

For citation: Vladimirova, T.E. (2025). Biblical concepts in the Russian language: the interaction of sacred, language and cultural meanings. *Russian Language Studies*, 23(3), 385–398. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-3-385-398>

References

- Afanas’ev, A. N. (2006). *Mythology of Ancient Rus*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russ.).
- Averintsev, S. S. (2006). *Collected works*. Kiev: Publishing House of the Spirit and Literature. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1997). *Collected works in 7 volumes. Vol. 5: Works of the 1940s – early 1960s*. Moscow: Russkoe slovo Publ. (In Russ.).
- Burykin, A. A. (2017). “The song of Igor’s campaign” Text, Language, Author. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ. (In Russ.). EDN: VGAKDX
- Ivanov, E. E., Maslova, V. A., & Mokienko, V. M. (2022). *The heritage of the Bible in the language and culture of Russia and Belarus*. Moscow: RUDN University. (In Russ.). EDN: NGYGGO
- Levi-Strauss, K. (2000). *The way of masks*. Moscow: Respublika Publ. (In Russ.).
- Lossky, N. O. (1994). *The History of Russian Philosophy*. Moscow: Progress Publ. (In Russ.).
- Maslova, V. A. (2023). Sacral, spiritual and energy in the Russian word. *Metaphysics*, (3), 80–88. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2224-7580-2023-3-80-88> EDN: KBLZKE
- Maslova, V. A., & Danich, O. V. (2021). Spiritual energy of the Russian word as a scientific challenge of humanitarian thought. *Russian Language Studies*, 19(2), 125–137. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-125-137> EDN: NEPXYY
- Postovalova, V. I. (2022). *Theolinguistics. The origins. Grounds. Concepts*. Moscow: Publishing House of the Brotherhood of St. Alexy. (In Russ.). EDN: KVJYMP
- Schrader, Yu. A. (1998). *Ethics*. Moscow: Tekst Publ. (In Russ.).
- Stefansky, E. (2007). The concept of “Conscience” in Russian, Polish and Czech literatures. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, (11), 124–131. (In Russ.).
- Vendina, T. I. (2002). *Medieval man in the mirror of the Old Church Slavonic language*. Moscow: Indrik Publ. (In Russ.). EDN: UCFKX
- Vladimirova, T. E. (2014). Concept “Destiny”: etymological components. *Vestnik Tsentra mezhdunarodnogo obrazovaniya MGU. Filologiya. Kul’turologiya. Pedagogika. Metodika*, (1), 72–77. (In Russ.). EDN: SPSYQD

- Vladimirova, T. E. (2020). Language and thinking: psychological and linguistic aspects. In *Proceedings of the XX International Scientific Conference dedicated to the 75th anniversary of the victory in the Great Patriotic War* (pp. 29–31). Moscow: Moscow State Pedagogical University Publ. (In Russ.).
- Zinchenko, V. P. (2010). *Consciousness and creative act*. Moscow: Languages of Slavic Cultures Publ. (In Russ.). EDN: QYBFWV

Bio note:

Tatyana E. Vladimirova, Doctor of Philology, Associate Professor, Senior Teacher of the Department of Russian Language and Intercultural Communication of the Institute of Russian Language, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. *Research interests:* intercultural communication, Russian studies, theolinguistics, teaching Russian as a foreign language. ORCID: 0000-0003-2458-3653. ScopusID: 57223104617. SPIN-code: 2859-4934. E-mail: yusvlad@rambler.ru